

ADIVA
GEFFEN

SURVIVING
THE
FOREST

АДИВА
ГЕФФЕН

УЦЕЛЕВШАЯ

*Она не пала духом,
когда война
забрала всё*

УДК 929(438)“1939/45”
ББК 63.3(4Пол)622
Г45

Adiva Geffen
SURVIVING THE FOREST

Copyright © Adiva Geffen
Russian translation rights arranged
by eBookPro Publishing House and Literary Agency

Перевод с английского *И. Горбачева*

Геффен, Адива.

Г45 Уцелевшая: она не пала духом, когда война забрала всё / Адива Геффен ; [перевод с английского И. Горбачева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Вторая мировая война. Причины, события, последствия).

ISBN 978-5-04-195171-9

«Дождь, снег, ветер и холод, болезни, голод, нужда. Как выжить в таких условиях, не имея ни еды, ни лекарств, ни оружия?»

В личное счастье молодой женщины вмешалась Вторая мировая война. Шурка недавно вышла замуж за любимого человека и вместе с ним растит двоих детей. Но семье приходится оставить свой уютный дом и переселиться в лес, где они вынуждены будут несколько лет прятаться от вторгшихся в Польшу нацистов, охотящихся на евреев.

Возможно ли сохранить силу духа и способность любить жизнь, когда судьба загоняет в угол?

УДК 929(438)“1939/45”
ББК 63.3(4Пол)622

© Горбачев И. В., перевод на русский язык,
2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-195171-9

Я не перестаю восхищаться, думая о тех удивительных людях, которые пережили ужасы Холокоста, но смогли подняться и пойти дальше, начать новую жизнь и поделиться со мной своими историями побед и триумфа. Эта книга — размышление об их стойкости.

Мои благодарности подруге Арлин Роффман, которая любезно и профессионально сопровождала мой перевод и добавляла свои волшебные штрихи.

Огромное спасибо Зое, которая вложила в эту книгу душу и вдохнула дух на английском языке. Ее точность, советы и правдивость неоценимы.

ИЗ ЛЕСА

*Тихо, тихо, давайте помолчим.
Здесь растет смерть.
Ее посадил тиран,
Смотри, как она расцветает.
Все дороги теперь ведут в Панери¹,
Обратного пути нет,
И наш отец тоже пропал,
А с ним и наш свет.
Ш-ш-ш, дитя мое, не плачь, мое сокровище.
Слезы никогда не помогут,
Что намерен делать наш враг,
Никогда не пойму...*

«Понары», Шмерке Качергинский²

¹ Понары (польск.), или Панерияй (литовск.). В 1940 году после включения Литвы в состав СССР в районе поселка началось строительство нефтебазы. Были выкопаны большие котлованы для размещения в них емкостей с горючим. Однако в связи с вторжением немецких войск планы создания нефтебазы были сорваны. Это место находилось в 3 км от железнодорожной станции в уединенной лесистой местности. После немецкой оккупации котлованы стали использоваться для уничтожения гражданского населения.

Ежедневно расстреливали до 800 человек. По подсчетам, в период с лета 1941 года было уничтожено до 100 тысяч человек. В казнях принимали участие солдаты из айзатцгруппы А, эсэсовцы, но в основном литовские коллаборационисты. — Прим. пер.

² Еврейский писатель, поэт, журналист, участник антифашистского подполья, член литературной группы «Юнг Вилне». — Прим. пер.

Человек видит и запоминает навсегда только один раз — в детстве.

Впечатления детства — это самые яркие картинки и образы, которые сопровождают нас всю жизнь. Все, что появляется в нашей памяти позже, похоже уже на черно-белые фотографии. Ваш первый дом — зеркало вашей жизни, и вы любите его до глубины души. Иногда воспоминание окружает вас и кажется ясным и чистым, а иногда оно кажется прерывистым и неясным. Но всегда есть то душевное состояние, что влечет нас вернуться в тот дом, к воспоминаниям о детстве, к звукам и запахам, где мы знали счастье и чувствовали себя в вечной безопасности. И никакая житейская суета не в силах заглушить голоса тоски.

Память всегда будет возвращать меня в деревню, на кухню, где мама лепит пельмени, а я стою возле окна и не могу насмотреться вдаль.

— Хаим Нахман Бялик

* * *

Это история женщины по имени Сара, которая выбралась из леса, где навсегда останутся могилы ее погибших близких.

Сара, которая покинула лес, вышла на свет и вернулась к жизни.

Есть много способов начать ее историю.

Можно сделать это как в старой сказке.

«Жила-была прекрасная женщина, у которой был и любящий муж, и прекрасная дочь, и однажды...» Или можно попробовать так: «Много лет назад, задолго до того, как весь мир был перевернут с ног на голову ужасной войной, которая уничтожила и поглотила все и на которой умерли или были убиты миллионы людей...»

Но мы начнем рассказ с тех времен, когда люди были довольны своей судьбой и благодарили Бога за все, что Он им дал.

«В маленькой деревушке, недалеко от города Острув-Любельски и Парчевского леса, счастливо жила семья Шидловских. Отец Яков Мендель и мать Тайба».

Возле их дома раскинулось зеленое поле, где они выращивали овощи и пшеницу, а также устроили прекрасный цветник. Во дворе, в саду росли яблони и груши, а между ними протекал небольшой ручей. По двору бегали куры, пять коз и две коровы, вымя которых было всегда наполнено молоком.

Яков Мендель и Тайба Шидловски увидели, что их труд благословлен, и возрадовались, и надеялись, что их дом будет наполнен детьми. Они видели благословение во всем, что имели, и были благодарны Создателю

за изобилие и великодушие. В своем маленьком домике на перекрестке они засыпали в объятиях друг друга, с улыбкой на губах, в своей постели, под мягким одеялом, неустанно благодаря Бога за все, что Он им даровал.

Но в отличие от более веселых сказок и басен, у нашей истории другой сюжет.

Где-то на самом краю неба проснулся Сатана и взглянул на эту семью. Ему было больно видеть маленькое счастье этих людей, небольшой деревенский домик Тайбы и Якова Мендель в Восточной Польше. Он только и думал, как через горы и леса просунуть свои коварные пальцы сквозь их прекрасную страну, запустить их в поля и луга, густые леса и зеленые долины... вглубь безмятежных деревень, где текла такая чистая вода. Даже Бог, к которому люди обращались за помощью, не смог бы им помочь.

Тем временем в своем маленьком домике Яков Мендель и Тайба спали в своей постели и видели свои сны. Они и не подозревали, что где-то на западе уже вынашиваются злые планы и множество темных облаков быстро движутся на восток.

1

Дом Якова Менделя и Тайбы Шидловских стоял на восточной стороне небольшой польской деревни Вулька-Заблоцка. Сотни лет в этой мирной деревне жили крестьяне, которые обрабатывали землю. Хотя людей в ней было немного, среди жителей, как евреев, так и неевреев, царили привязанность и дружба. Они всегда жили рядом друг с другом во взаимном понимании и согласии.

Евреи жили как поляки, но дома придерживались иудейских традиций; они неукоснительно соблюдали Шаббат, постились в Йом-Кипур и строили шалашаи в праздник Суккот, на который часто приглашали соседей. На Хануку они зажигали свечи меноры, а на Песах садились за пасхальный седер со своими родственниками из соседних деревень или отправлялись праздновать со своими семьями в соседний город Острув-Любельски. Евреи из небольшой деревни обязательно приглашали своих соседей-неевреев на праздники и семейные торжества, чтобы праздновать с ними, а в христианские праздники старались навещать соседей-христиан, чтобы вместе радоваться и веселиться.

Если бы в деревню зашел какой-нибудь посторонний, он бы ни за что не смог вам сказать, был ли молочник,

который попался ему по дороге, евреем, молящимся лицом на восток, или христианином, верующим в Иисуса Христа. «Мы все фермеры, обрабатывающие свою землю, независимо от религии или расы, — наверняка сказал бы староста их поселка Стефан Шнецки. — Евреи — мои братья; моя мать умерла при родах, а Рахиль, еврейка, выкормила моего брата и меня. Мы всегда называли ее „мамушка Рахиль“».

Откуда Стефан мог знать тогда, что всего через несколько лет, когда первые немцы ступят на их землю и начнут обнюхивать и осматривать их территорию, его собственный сын, пьяница Луций, деревенский бездельник, который сильно страдал в юности, помчится в немецкий штаб в Люблине и предложит немцам свои услуги, свои знания о том, кто «свой», а кто нет, — в обмен на назначение старостой деревни?

В Вульке-Заблоцкой была маленькая деревянная хата, в которой бок о бок жили две семьи. С правой стороны хаты, лицом к Парчевскому лесу, жили бездетные дядя Яков Мендель и тетя Алинка, а с другой стороны, лицом к тропинке, ведущей к центру деревни, жили Яков Мендель и Тайба, родители Шурки. Жители деревни ласково называли братьев «наши два Якова Менделя».

Хата была покрыта красной черепичной крышей, увита вечнозеленым плющом, который взбирался по фасаду, и кустами роз, цепляющимися за стены и украшающими маленький дом красными цветами, за которыми с любовью ухаживала Тайба. Стены были толстыми, с двойными окнами, они надежно защищали обитателей дома от сурового холода снежных польских зим. Из дома открывался прекрасный вид на зеленые поля;

из него можно было видеть дороги, ведущие в соседние деревни и даже в город Острув-Любельски, лежащий всего в нескольких километрах отсюда, где с середины XVII века проживала большая община евреев.

Еще оттуда было видно окно дома Хаи Билы, сестры Тайбы, которая жила чуть выше по дороге. На севере тропа вела в деревню Колано, а рядом с ними, на широком открытом поле, жила семья Познанских во главе с деревенским сапожником, который был близким другом Якова Менделя. К востоку от дома тропа тянулась на север, прямо к большому поместью Фрица Любосковица, которым восхищались и которого уважали все жители деревни. Фриц Любосковиц играет важную роль в нашей истории.

Если бы вас пригласили в дом в те дни, можно с уверенностью предположить, что вас приняли бы очень тепло. Летом Тайба подавала гостям свежеделанный лимонад, а зимой усаживала их на скамейку у печи, чтобы они могли согреться и немножко отдохнуть от трудной дороги. Тайба всегда была рада, если между порциями рыбы и свежей халы ее гости рассказывали, что происходит в близлежащих деревнях: кто женился, кто (не дай Бог) заболел, кто родил или (не дай Бог) умер. В те дни новости передавали по радио, но в деревнях радио было редкостью, в их деревне оно было только у Фрица. Коммивояжеры приносили новости и сплетни, которые быстро распространялись по деревням.

В центре хаты, рядом с большим обеденным столом, стоял старинный книжный шкаф из орехового дерева, полки которого были заставлены книгами. Ле-

генды Хазая, «Шулхан арух», молитвенник на Шаббат и праздники, копии Библии, Гемара, Цэна у-Рэна и другие священные книги, иллюстрированные специальными картинками. Все книги передавались по наследству от родителей или покупались у владельца повозки, которая проезжала через деревни и продавала священные книги.

Если бы их дома когда-нибудь коснулись пальцы дьявола, семья всеми силами пыталась бы защитить и спасти эти книги. Но тогда над их головой еще было голубое небо, и они читали свои книги и наслаждались их мудростью как в особые, так и в будничные дни своей жизни.

Рядом с книжной полкой стоял шкаф, в котором хранились под запором тарелки для Песах, приданое Тайбы. Там были стеклянные и хрустальные изделия, серебро, которое передавалось из поколения в поколение, чашки для Кидуша, подсвечники для Шаббата, доставшиеся от родителей Якова Менделя, и, конечно же, богато украшенная чаша для пророка Илии. Сверху на шкафу стояла большая деревянная коробка, в которой хранились бумажные украшения для сукки, которую обязательно возводили на Суккот. Там же находилась и маленькая коробка. В ней Тайба хранила свои драгоценности: рубиновые серьги, золотые браслеты и жемчужное ожерелье, которое она надевала на семейные праздники или во время поездок к родителям и родственникам.

Как и большинство жителей деревни, Яков Мендель был фермером и кормился от имения, которое арендовал у Фрица. Он старательно управлял своим неболь-

шим семейным хозяйством. Осенью пахал, весной сеял, а в конце лета собирал урожай. По утрам он выводил свое небольшое стадо на пастбище, сам доил коров и коз и работал на больших полях своим конным плугом. Тайба во всем помогала ему: кормила кур, собирала яйца, варила сыр из молока и сбивала масло. Часть своих продуктов они продавали соседям или торговцам, проезжавшим через деревню, но большая часть предназначалась для семьи, которая увеличилась с появлением их первенца, дочери Сары.

Как только она родилась, Тайба объявила, что девочку надо назвать Сарой. «Почему?» — спрашивали ее все. И Тайба всем отвечала: потому что она любит Сару, нашу праmaterь, которая была красивой, умной и любимой, «и, может быть, и моя Сара также будет благословлена своим собственным Авраамом». И они прозвали ее Шуркой — Шуркой-красавицей.

Все жители деревни пришли поздравить счастливую семью с появлением новорожденного. Их друзья-христиане, верующие в Иисуса Христа, перекрестились перед младенцем и произнесли молитвы, отдав дань уважения свежими яйцами и лучшими семенами. Их друзья-иудеи принесли вино и возблагодарили Бога Авраама, Исаака и Иакова за этот сверток радости и благословения, а из соседних деревень потоком хлынули родственники, чтобы увидеть прекрасную Шурку и вручить ей свои подарки.

Шурка действительно была необыкновенно красивым и умным ребенком.

— И красивая, и умная, — сказала тетя Алинка.

— Самое главное, что она такая счастливая девочка, — сказала гордая Тайба.

— Еще важнее, чтобы ей повезло в жизни, — сказала Людмила, жена сапожника, и перекрестилась.

Шурку любили все в семье. Ее медового цвета волосы волнами струились по плечам, голос был звонким, как колокольчик, от нее пахло финиками, а смех то и дело разносился из одного конца хаты в другой. Когда она подросла и научилась ходить, то свободно бегала по двору среди животных. Родители с гордостью смотрели на нее, светясь от счастья.

Когда девочке исполнилось два года, в их дом переехала бабушка Ирена, мать Якова Менделя. Отец Шурки отправился в соседний Острув-Любельски, где бабушка Ирена жила со своим мужем, который владел небольшой швейной мастерской. Когда муж умер, бабушка Ирена осталась совсем одна.

Папа запряг повозку и поехал, чтобы привезти свою мать, а когда на следующий день они вернулись, он громко крикнул: «Шурка, Тайба, идите скорее сюда, бабушка здесь!» — и помог ей спуститься с повозки. Бабушка медленно слезла с повозки и тяжело вздохнула.

— Почему она такая грустная? — спросила Шурка и спряталась за мамин фартук.

— Потому что жизнь у нее тяжелая, — прошептала мать.

— Почему? — дергала мать Шурка.

— Потому что она одна.

— Почему?

— Вопросы, вопросы, лучше иди обними свою бабушку.

Шурка побежала обнять бабушку, которая тут же расплакалась: «Ой я, ой, жизнь моя, ой, ой!»

